

Волков Тимофей Павловичаспирант кафедры философии
Современной гуманитарной академии, г. Москва
dom-hors@mail.ru**КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО
В XXI ВЕКЕ: СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ****Аннотация:**

В статье рассматриваются перспективы развития культуры и общества в XXI веке. Объясняется, почему культура может стать ключевым аспектом общественной жизни, а также, на каких основаниях русская культура и цивилизация может стать системообразующей в будущем.

Ключевые слова:

культура, кризис, общество, потребление, стандартизация, цивилизация.

Volkov Timofey Pavlovich PhD student, Department of Philosophy,
Modern Humanitarian Academy, Moscow
dom-hors@mail.ru**CULTURE AND SOCIETY
IN THE XXI CENTURY: SCENARIOS****Summary:**

In the article the development prospects of culture and society in the XXI century. Explains why the culture can be a key aspect of public life, and on what grounds the Russian culture and civilization can be the backbone in the future.

Keywords:

culture, crisis, society, consumption, standardization, civilization.

Введение

Мировой структурный кризис, отметивший начало XXI в., со всей очевидностью показал невозможность дальнейшего поступательного эволюционного развития в рамках действующей экономической системы и кажущегося неизменным и неизменяемым мировым устройством.

Экономика, основанная на постоянной эмиссии денег, ссудном проценте и фактической подмене материальных активов виртуальными деньгами и их производными, не может далее оставаться рабочей моделью для многогранного и многовекторного развития человечества.

Ситуация усугубляется тем, что Соединенные Штаты Америки, государство, являющееся фактически мировым центром бесконтрольной эмиссии денег, не может и не хочет не только отказаться от своей роли законодателя и основного последователя «мировой финансовой моды», но даже не готово подвергнуть свои действия и цели какой бы то ни было ревизии и переосмыслению.

Робкие призывы игроков «второго плана» – провести анализ и попытаться разобраться в причинах кризиса с тем, чтобы совместными усилиями найти или хотя бы обозначить пути выхода из сложившейся ситуации, – не услышаны и услышаны вряд ли будут.

Совершенно понятно, что подвергнуть анализу и предложить альтернативные пути глобального развития, означает приблизить неминуемый конец глобального доминирования США практически во всех сферах деятельности мирового сообщества. Этот вариант, конечно же, не означает немедленный закат эры *Pax Americana*, но несомненно одно – с момента запуска другого механизма экономического, политического, социального и культурного развития начнется отсчет новой эры.

Культура как ключ к решению проблем

Каковы же предпосылки, где и в какой области человеческих знаний и устремлений возможен всход ростков новых моделей мирового развития? В каких сферах бытия мирового сообщества способны зародиться идеи или хотя бы создаться предпосылки для их появления?

Ответ на эти вопросы, на наш взгляд, может лежать не в области экономических и политических проблем и теорий, а в культурно-цивилизационных аспектах моделей и идей, основанных на традиционных и современных формах существования и взаимодействия основных цивилизационных участников мирового сообщества.

Рассмотрим культурные и социальные модели основных, играющих заметные роли в мироустройстве государств или групп государств, и оценим перспективы их цивилизационного прошлого и настоящего с позиций того, насколько они способны предложить или создать предпосылки для появления новых идей эволюционного развития. Кроме того, попытаемся выяснить, насколько глобальны (то есть насколько привлекательны для мирового социума) могут быть выдвинутые или, правильнее сказать, зародившиеся в их цивилизационной среде, идеи.

Российское общество и русская цивилизация, несомненно, являются важными участниками процесса вынашивания новых идей. Россия никогда не стояла в стороне от глобальных проектов, более того – часто проводила на собственном теле наиболее рискован-

ные из них. Коммунистический эксперимент, неудавшийся с первой попытки, выявил критические точки проекта «построения светлого будущего» в одной отдельно взятой стране или нескольких, по тем или иным причинам примкнувших к СССР, странах.

Кроме объективных, не в последнюю очередь – экономических и политических, факторов, важным моментом неудачи коммунистического этапа русского цивилизационного проекта, явилась установка властной элиты на слом и полный демонтаж традиционных русских ценностей, неравноценную насильственную замену православных идей и обычаев, причем даже на бытовом – наиболее чувствительном для широких масс, уровне и насаждение в несоразмерном масштабе чуждых идей, символов и кодексов. Добавим сюда тотальное физическое уничтожение носителей русской идеи и «русского духа» во всех социальных слоях многонационального российского общества и невозможность устойчивого развития российского социума XX в. станет очевидной.

За период коммунистического, от начала до 90-х гг. прошлого столетия, и далее переходного этапа, в конце XX в., российский социум, безусловно, утратил значительный потенциал и способность к генерации глобальных идей. Русское общество и – в особенности – русская элита были «стерилизованы» [2, с. 13] марксизмом. Более того, даже поверхностный взгляд на российское общество легко обнаружит повсеместное проникновение стандартов и тенденций культуры потребления. Казалось бы, ситуация в культурной мыслящей среде российского социума только ухудшается и точка невозврата к своим традиционным корням и базовым русским ценностям уже пройдена или будет пройдена в самое ближайшее время.

Смеем утверждать, что это не так. По выражению Владимира Соловьева, русского мыслителя и философа, в России никогда не было свобод. Была только одна свобода – свобода совести. Почему это важно сейчас, почему актуально «жить по совести»? Потому что именно такая идея жизненного мироустройства может быть предложена *urbi et orbi* в качестве базовой модели для построения рабочего проекта существования и развития глобального социума. Сейчас рано говорить о реальном воплощении и о времени возможного перехода к предлагаемой модели, о возможных путях реализации, очевидно одно: такой ограничительный изнутри вариант мироустройства является прямой противоположностью потребительскому миропорядку и не загоняет человеческую цивилизацию в тупик с космической скоростью.

Можно предположить, что, поскольку потребительская модель общественно-экономического устройства не может далее эффективно работать в силу ряда объективных причин, то рабочей будет какая-то другая модель, возможно – основанная на ограничении потребления. Понятно, что ограничение потребления может быть осмысленным и потому добровольным, что в масштабах мирового социума маловероятно, и ограничение возможно вынужденное, когда локальный или глобальный социум принудительно-карательными мерами ограничивает индивида в его желаниях и свободах.

Русская цивилизация за время своего существования опробовала на себе оба варианта. Советский Союз, просуществовавший с 1917 по 1991 гг. на территории бывшей Российской империи, – яркий пример принудительного ограничения потребительских запросов своих граждан.

Другой пример добровольно-принудительного ограничения собственных потребностей, просуществовавший в отечественной истории много веков, – община. Община является довольно любопытной формой существования российского социума, основанна на ограничении труда и производства своих членов, с одной стороны, и ограничения потребления, с другой.

Историческая принадлежность общины именно к русскому социуму объясняется религиозными предпосылками производства и быта, православными нормами и ценностями, глубоко внедренными и генетически передаваемыми из поколения в поколение. Православные установки и стандарты предполагают производить только то и в таком количестве, что нужно индивиду для жизни и не более. Стремление к богатству даже через честный труд – в отличие от того же протестантизма – в принципе, не поощрялось.

Современный мир меняется настолько стремительно, что то, что еще вчера казалось явной глупостью и «неумением жить», сегодня уже не выглядит столь однозначно неумным и ненужным, и, весьма вероятно, в измененной форме может быть востребованным как, если не единственный, то один из немногих реальных путей развития всего мирового социума.

Возможные сценарии развития культуры и общества

Произойдет ли стандартизация культуры, и если произойдет – по какому образцу? Глобализация и интеграция мировой торговли – это одно. Такой процесс займет многие десятилетия, даже оставаясь приоритетным для многих развитых стран. Совсем другое дело – стандартизация культуры. Даже если мы допустим возможность, что это когда-либо произойдет, мы должны признать гораздо более высокую сложность, комплексность и неоднозначность этого процесса.

Общность базовых концепций у представителей различных культур (таких как, например, правда, честь или справедливость), безусловно, имеет место быть, но при этом мы должны понимать, что эти понятия, будучи раскрытыми носителями разных культур, будут иметь разное смысловое наполнение, а точка зрения, с которой происходит описание предмета или явления, может показаться иррациональной, беспочвенной или даже предвзятой в зависимости от того, к какой культуре принадлежит человек. В этом и заключается, на наш взгляд, сущность культурного многообразия, которое вряд ли удастся преодолеть в будущем. Стоит ли его преодолевать, в принципе, – отдельный вопрос.

Кому выгодно сохранение *status quo* в отношении культурного многообразия? Прежде всего – традиционалистам, консерваторам и им подобным. Но ведь и ученые от культурной антропологии вовсе не желают, чтобы объект их исследований сузился донельзя, разнообразие для них – источник вдохновения, новых идей и открытий. Также политики национального и местного уровня, не принадлежащие к числу глобалистов, кровно заинтересованы в сохранении культурного многообразия. Оформленность верований, близость ценностей и общность практик той или иной социальной группы являются для них не чем иным как политической платформой, на которой можно строить любые патриотические и/или шовинистические программы.

С другой стороны, культурное многообразие совершенно невыгодно мировому бизнес-сообществу. Да, возможно, они и верят в силу многонациональных команд менеджеров, но это вовсе не означает, что на уровне потребителей они не хотели бы видеть однородную массу, предпочтительнее всего – с «человеческим» (то есть – западным) лицом. Такие ТНК, как *Coca-Cola*, *IBM*, *Nestlé* или *General Electric* только выиграли бы от подобной стандартизации. И не важно, какие средства были бы использованы для достижения этой цели. А их целью является реализация универсальных практик менеджмента, бухгалтерского учета, производства, маркетинга, политики в отношении персонала и т.п. в масштабах всего мира [подробнее см.: 6]. Это привело бы к снижению транзакционных издержек на порядки, а о том, что минимизация издержек является приоритетом любого бизнеса, полагаем, напоминать не надо. В таком развитии ситуации заинтересованы, прежде всего, те силы, которые желают того, чтобы мир был «плоским» [3], то есть чтобы их идеи, установки, продукция и прочее распространялись без каких-либо ограничений и препятствий.

Американцы часто говорят о привлекательности их культуры и идей, но *soft power* берет начало в Британии. В XVII в. самые могущественные державы того времени, Британия и Испания, старались экспортировать идеи и практики в свои западные колонии. Испания хотела, чтобы контрреформация закрепилась в Новом Свете, Британия хотела процветания религиозного плюрализма и капитализма. Как выяснилось, британские идеи оказались более универсальными. На самом деле, именно Британия была – и в какой-то мере остается сейчас – самым успешным экспортером своей культуры в истории человечества. До «Американской Мечты» был «Английский образ жизни», которому следовали и которым восхищались по всему миру. Также, благодаря Британской Империи, английский язык, на котором говорили от Кейптауна до Калькутты и Карибского моря, распространился по всему миру, стал глобальным.

В годы, последовавшие за окончанием Второй мировой войны, значительное число компаний Европы (прежде всего в Великобритании, Германии, Бельгии, Нидерландах и Скандинавии) осознано необходимость «американизироваться» для того, чтобы повторить убедительные успехи американцев в экономике. Им необходимо было принять на вооружение новые методы производства, маркетинга, продаж, бюджетирования и отчетности, происходящие с другой стороны Атлантики. И не без помощи внедрения Плана Маршалла эти механизмы стали давать положительные результаты на европейской почве. Однако американизация бизнеса не ограничивалась пространством Старого Света – Австралия, Корея, Филиппины, Япония и другие страны оказались в той или иной степени затронутыми этим явлением.

Очевидно, что одной из самых насущных проблем в разрушенных войной странах было как можно более скорое повышение уровня жизни, и американизация как нельзя лучше справилась с этой задачей, что особенно хорошо проявлялось в промышленности и торговле. Однако внушительная часть европейцев и немалая часть азиатов, обольщенная успехами США, подсознательно позволила определенным американским идеям и ценностям влиять на свой образ жизни. Затронуты были очень многие стороны жизни – от моды, отдыха и музыки до отношения к политике, религии и обществу.

В Европе конца 1970-х – начала 1980-х гг. подросло целое поколение людей, воспитанных под влиянием американских стандартов, которые гораздо проще и доступнее европейских, но именно поэтому они относительно легче усваивались людьми, не желавшими напрягать свое сознание необходимостью решать различного рода интеллектуальные и этические задачи. Внедрению американского стиля жизни в Европе помогло и то обстоятельство, что там, как и в

самых Соединенных Штатах, пришло время смешения культурных ценностей различных народов.

Американский стиль куда легче объединял людей разных национальностей и цветов кожи, поскольку был намного демократичнее, чем элитарный европейский – именно в силу своей простоты (или, если посмотреть на это с несколько иной точки зрения, примитивности). Кроме того, он не требовал укорененности в европейскую систему ценностей – обстоятельство, чрезвычайно важное для новых иммигрантов. Иными словами, американцы предложили массовому европейскому населению стандарты, которые в то время для абсолютного большинства европейцев были недостижимы. Американская культура распространялась, в первую очередь, на бытовом уровне, через самые массовые слои населения Европы. Как бы это ни было, американизация европейской жизни сегодня вряд ли у кого-то вызывает сомнения. По сути, вытеснение европейской системы ценности американской символизирует окончательную победу упрощенного варианта буржуазной цивилизации над теми остатками многоплановой и укорененной во времени культуры, что еще сохранялась после катастроф XX в. в Европе.

Однако к концу двадцатого века произошло смещение акцентов в западных ценностях. Это было вызвано целым комплексом изменений – исчезали империи, декорации на политической сцене менялись с поразительной быстротой, технологический прогресс ежедневно приносил изменения в жизнь людей, а традиционные философские системы набирали силу. В этой атмосфере можно наблюдать, как происходит ослабление и подрыв доверия к старым как мир «мужским» ценностям и одновременный подъем «женских».

Хотелось бы отметить, что эти термины не являются тесным образом связанными с гендерными вопросами; не являются они и отражением соотношения количества женщин и мужчин в населении стран.

Так что же мы понимаем под «женственностью» или «мужественностью», когда говорим о культурах и их природе? Мы считаем, что в обществах, где главенствует мужское начало, больше всего ценятся власть и богатство, в то время как в «женских» обществах приоритетными являются нематериальные ценности. Этот список можно продолжить: фактам противопоставляются чувства, логике – интуиция, соперничеству – сотрудничество, росту – развитие, товарам – отношения, действию – мысль, результатам – решения, прибыли – репутация, быстрым решениям – правильные, скорости – своевременность (уместность) и так далее.

Распространение женского начала на Западе совпало по времени с необходимостью изучения и принятия азиатских ценностей. Ценности эти во многом схожи: коммунитаризм и кооперация; лидерство сильных при одновременной защите слабых; повышение значимости таких сторон человеческой жизни, как интуиция, мистицизм и инстинктивность; семейные ценности; важность воспитания детей; бережливость, умеренность и предусмотрительность; налаживание связей (создание сетей); терпеливость, выносливость, настойчивость; преобладание моральности над материализмом.

Как американизация просочилась из экономической сферы в культуру и общество в XX в., так и «азианизация» станет одним из определяющих факторов развития обществ в веке XXI. Западными людьми будут приняты многие аспекты образа жизни азиатов, которые будут влиять на поведение в обществе, формирование целей и надежд, развитие чувства долга, моральности и этичности, а также на становление отношения к политике и власти.

Устремленность людей Запада к былым культурным эпохам или к экзотическим культурам Востока означает восстание духа против окончательного перехода культуры в цивилизацию, но восстание слишком утонченного, ослабленного духа [1; 73-74, 77].

Западному миру отнюдь не чужды восточные веяния, ведь такие значительные течения европейской культуры, как Просвещение и романтизм, новейшая (от Шопенгауэра) западная философия, искусство модернизма, молодежная контркультура 1960-х, постмодернизм и другие, чрезвычайно интенсивно вобрали в себя ориентальные элементы, стремясь соотнести, измерить себя с Востоком.

«Азианизации» будут способствовать два фактора, являющиеся, на наш взгляд, ключевыми в данном контексте: смещение центров экономического могущества дальше на Запад (то есть в Китай, Индию, Корею и Юго-Восточную Азию, хотя и японское экономическое могущество неоспоримо), а также колоссальное демографическое давление со стороны Востока, испытываемое сегодня Западной Европой и США, которое будет лишь усиливаться с течением времени.

Последствия подобной трансформации общежития и сознания западных людей будут, в первых, малопредсказуемы, а во-вторых, колоссальны. И хотя французы, немцы, англичане, скандинавы и американцы, возможно, будут меньше подвержены воздействию «азианизации» как более могущественные общества, очевидно, что изменения затронут весь мир – в том чис-

ле и Россию. Уже сейчас можно наблюдать, как растет недовольство многих членов западных обществ (в основном молодежи) из-за жесткой эксплуатации природы и людей – отличительной черты западной, «мужской» риторики. Это явление отнюдь не ново. Приведем описание проблемы Э. Фроммом: «Установка на эксплуатацию и стремление к накопительству были причиной человеческих страданий и неуважения к достоинству человека. Эта установка побудила Европу безжалостно эксплуатировать Африку, Азию и собственный рабочий класс, нимало не считаясь с человеческими ценностями» [4, с. 217]. Как бы там ни было, процесс выработки новой парадигмы уже начался и набирает полный ход.

Возможно такое развитие ситуации, при которой некитайской Азии с Японией во главе потребуется установить динамическое равновесие с набирающим силу Китаем. И тогда им придется объединяться как друг с другом, так и с Западом, отодвигая на время свое враждебное к нему отношение на задний план. В таком случае вполне возможно формирование по прошествии определенного времени некой гибридной культуры, включающей в себя консюмеризм, ценность образования, страсть к путешествиям, моду, духовность, следование трендам и широкое использование информационных технологий.

В культурном плане этот феномен будет выражать не противостояние Востока и Запада, а противостояние нового и старого. Однако очевидно и другое: конфуцианская традиция будет противостоять чрезмерному влиянию западных ценностей и уравнивать его. Синтез сильных сторон Запада и Востока, мужского и женского начал, слияние технологии, искусства и культурных традиций кажется неизбежным, а главное бесполезным для человечества в XXI в.

Особое внимание хотелось бы уделить концепции столкновения цивилизаций Хантингтона [5]. Американский исследователь абсолютно прав, когда говорит, что трения между цивилизациями будут происходить все меньше из-за экономических и политических разногласий и все больше – в силу видения мира, исходя из критериев, присущих определенным цивилизациям.

Однако если американский политолог в словосочетании «столкновение культур» делает акцент на первом слове, то, по нашему глубокому убеждению, второе слово, культура, есть то, что все больше будет определять нашу жизнь как социобиологического вида. Да и само столкновение, а тем более – открытое противостояние – маловероятно, свидетельством чему является описанная выше конвергенция ценностей.

Напоследок, скажем несколько слов о состоянии критики как одной из побудительных форм изменения социума к некоему лучшему мироустройству. Современное общество не подавляет критические мысли и, более того, не нуждается в их подавлении. Казалось бы, проявление критики в обсуждаемых в нашей работе областях человеческого бытия – культуре, экономике, политике, в социальной сфере – способно выработать мотивационные силы или придать некоторое мотивационное ускорение старым (в смысле – уже хорошо известным), апробированным идеям, трансформировать вследствие этого должным образом нормы и кодексы, с тем, чтобы развиваться в предполагаемом направлении. Но этого не происходит. Критике подвергается все и вся, но проявляется подобная критика скалярно и относится она к недовольству окружающей действительностью и неудовлетворенностью собственным положением индивида в социальной среде. Такая критика, какие бы уровни и сферы социума ни затрагивала, не является конструктивной, она не ведет к переосмыслению базовых ценностей и не содержит никакого мотивационного начала, и потому не может служить благодатной почвой для ростков новых идей, способных глобально изменить мир.

Интересно и то, что современное общество характеризуется, с одной стороны, огромной скоростью обращения и рециркуляции процессов всех сторон жизни социума, настолько высокими скоростями, что их трудно своевременно анализировать и осмысливать, а с другой – тем, что не хватает потенциала и желания в этих процессах разобраться, понять причину их возникновения, характер проявления и, наконец, уловить направления и тенденции движения (или догмы застоя) ключевых сфер жизни глобального социума.

Нам представляется, что ущербность (однбокость) мыслительного процесса связана с нежеланием современного социума во всех его ипостасях подвергать сомнению свои действия, нормы и установки, наконец, желания и устремления. То, что было характерно для традиционных культур и цивилизаций, утеряно и не востребовано современным обществом. Как нам кажется, поиск новых идей и мотивационных решений, следует искать не там, где «мне и нам плохо живется», то есть не в экономической и социальной областях бытия индивида и социума в целом, а в культурно-цивилизационном пласте человеческих проблем и достижений. Эта область человеческой жизни не просто гораздо сложнее и богаче остальных, но и намного целостнее и продуктивнее. И мы полагаем, что именно востребованность культурно-цивилизационных идей и решений в поисках гармоничного развития мирового социума, даст новый свежий импульс к глобальному развитию и имеет все шансы на успех.

Заключение

В статье рассмотрены позиции, согласно которым, по мнению автора, культура станет доминирующим началом общественной жизни в XXI в. Намечены некоторые возможные тенденции развития культуры и общества. Показано, каким образом русская цивилизация может послужить примером для подражания в случае, если будут приняты новые установки общественного бытия.

Ссылки:

1. На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение М., 1990.
2. Нарочницкая Н.А. Русский мир. СПб., 2008.
3. Фридман Т. Плоский мир: Краткая история XXI века. М., 2007.
4. Фромм Э. Мужчина и женщина. М., 1998.
5. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. Simon & Schuster, New York, 1996.
6. Ritzer G. The McDonaldization of Society, 5th Edition. Pine Forge Press, Thousand Oaks, 2007.

References (transliterated):

1. Na perelome. Filosofskiye diskussii 20-kh godov: Filosofiya i mirovozzreniye M., 1990.
2. Narochnitskaya N.A. Russkiy mir. SPb., 2008.
3. Fridman T. Ploskiy mir: Kratkaya istoriya XXI veka. M., 2007.
4. Fromm E. Muzhchina i zhenshchina. M., 1998.
5. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. Simon & Schuster, New York, 1996.
6. Ritzer G. The McDonaldization of Society, 5th Edition. Pine Forge Press, Thousand Oaks, 2007.